

**МЕТАМОРФОЗЫ ЛИНГВОФИЛОСОФИИ:
ОПЫТ АНАЛИЗА APRIORI ЯЗЫКА
А.В. Нехаев**

Кризис в основаниях классических версий логического эмпиризма, – принадлежащих Г. Фреге, Б. Расселу, Р. Карнапу, – который наступил вслед за его несомненной доминацией в сфере философских исследований, проходивших под эгидой так называемого «лингвистического поворота», или *Linguistic Turn*, и который, в свою очередь, во многом был обусловлен имманентным скепсисом в отношении существующих механизмов лингвофилософского анализа со стороны самих же логических эмпиристов, фиксируемом, в частности, в известной критике «мифа о данных» У. Селларса, а также знаменитой критике «трех догм» У. Куайна и Д. Дэвидсона, с очевидностью продемонстрировал, что только лишь стандартные дедуктивные и индуктивные логические подходы явно недостаточны для моделирования всех, или хотя бы основных, форм легитимной аргументации, поскольку существуют принципы и нормы артикуляции дискурсивно организованных множеств высказываний, которые помимо чисто логических структур, содержат риторические и эстетические компоненты, и тем самым не могут быть охвачены категориями дедуктивной обоснованности или убедительности и индуктивной силы. Как следствие, для лингвофилософии язык перестает быть исключительно логическим исчислением, но начинает осознаваться в качестве социальной практики, что, прежде всего, означало и замену формализованных видов языка нормальным, или обыденным, – *normal or ordinary language*, как областью исследования более адекватной новым семиотическим аспектам философского интереса, а также, соответственно, повлекло за собой появление и оформление в англосаксонских и континентальных версиях аналитики таких исследовательских линий, как *Ordinary Language Philosophy* и *Philosophie der Normalen Sprache*.

Соответственно этому меняется и основная задача лингвофилософских исследований, которые теперь, вместо безуспешных попыток создания *lingua universalis* и/или обоснования границ применимости «протокольных предложений» – *protokollsätze*, оказываются нацелены на определение собственной природы языка, то есть на анализ того, каким образом и в какой степени может быть исследовано так называемое *apriori языка* – *система тех основополагающих свойств языка, которые фундируют знаковое мышление и любого рода дискурсивную деятельность*. При этом безусловное признание *знаковости* в качестве неотъемлемого свойства языка поставило лингвофилософию перед необходимостью детального изучения того, каким образом язык может исполнять функции означающей практики, что в свою очередь повлекло за собой

автоматическую проблематизацию таких языковых механизмов, как номинация, или именование, референция, или указание.

Все эти фундаментальные изменения, сложившиеся в постаналитической лингвофилософии, диктуют необходимость создания целостной теории знакового мышления, которая находится вне пределов формальной дедуктивной и индуктивной логики, то есть требуют последовательной реализации исследовательских интенций на анализ всех типов дискурсивно выраженной означающей деятельности, сочетающийся с необходимостью топографирования пограничных линий между различными типами дискурсивного убеждения. При этом прояснение оснований знакового мышления и дискурсивной деятельности, а также процедур логического критицизма в неформальных терминах имеет прямые последствия для таких областей как семиотика, лингвистика, логика, эпистемология и философия языка.

По сути, лишь успешная реализация всех необходимых процедур анализа, направленных на экспликацию логической формы артикулируемых видов дискурса, – так как сами по себе «...возможности языка всегда находят воплощение не в чем ином, как в дискурсе – устном или письменном...» [4; 410], – а также на установление тех свойств и правил означающих практик, которые возникают в контексте отношений языка и реальности, способна предоставить основания для прояснения некоторых из границ выразительной способности такой знаковой системы, как нормальный, или естественный, язык, позволяя определить тем самым природу знакового мышления и дискурсивной деятельности. При этом сами процедуры логико-семиотического анализа *apriori* языка и, в частности, установление структуры манифестируемой дискурсом логической формы, с необходимостью требуют элиминации из него любых онтологических допущений, что означает его ориентацию на такие особенности знаковых изображений – репрезентаций, которые определяются исключительно семантико-синтаксической структурой нормального языка. Как следствие, отказ от любых онтологических предпосылок приводит к иному пониманию свойств знакового мышления, трактуемых уже не через призму выражения законов мысли, но как способ демонстрации *apriori* языка, реализуемого в дискурсивной деятельности и означающих практиках.

В целом, постаналитическое учение о знаковом мышлении и дискурсивной деятельности, акцентируя свои исследовательские усилия на выявлении строения и принципов взаимного сочетания таких дискурсов, которые находятся в процессе самосозидания, или саморефлексии, поскольку они есть то место – *тоπος*, где язык рефлексивен о себе самом, проставляя собственные границы, а заодно и границы знакового мышления, последовательно отстаивает идею о том, что именно

саморефлексия языка осуществляемая в пределах не-номологического дискурса является движущей силой преобразования систем мышления.

Необходимо отметить, что не-номологический дискурс как особый означающий комплекс содержит структуру, образованную множеством сцеплений, которую можно описать как сеть параграмматических связей, так как именно нелинейная модель создания знака, взятая в контексте параграмматизма, позволяет продемонстрировать динамическую и топологическую схему, определяемую тем, что знак в такого рода дискурсе оказывается значащим, если он отсылает к другому знаку, но не к универсуму внеположенных ему означающих, и отличную от системы семантических и грамматических норм денотативного и коммуникативного дискурса, – где решающую роль играют отношения означающего к означаемому, – поскольку сама фикционализирующая функция не-номологического дискурса, то есть денотация без денотата, подразумевает, что субъект, располагая всей потенциальностью значений дискурсивных практик некоторого нормального языка, избегает номологичности, придавая своему дискурсу катахрезичный характер, разрушая тем самым семантическую тождественность дискурса.

Следует признать, что не-номологическое употребление языка – это освоение и выявление потенций, заложенных в языке, творческая деятельность, с помощью которой субъект, обладающий когитальной активностью, освобождается от давления целого ряда языковых и психических схем. Таким образом, акт означивания, взятый в контексте такого употребления языка, представляет собой творческий языковой процесс, в рамках которого следует различать два компонента: артикуляцию некоторого вполне определенного конечного множества знаков и супрасегментарную функцию, которая собирает данное множество в целое, придавая ему тем самым осмысленность и наделяя значением, и является своего рода субъектом, занимающим определенную позицию ради презентации акта самого означивания, маркирующим один из возможных способов означивания в нормальном языке, но в то же время не располагающегося ни в одном из знаков множества в отдельности, а распределенного по всему означивающему комплексу дискурса.

Таким образом, рассматривая нормальный язык в контексте располагающейся в нем некоторой вполне определенной супрасегментарной функции, – то есть такой означающей практики, которая не репрезентирует какую-либо «сущность» или означаемое, но которая маркирует множественное и случайное распределение бесконечности означивания в теле языка и пространстве знакового мышления, *локализуя и индивидуализируя один из возможных способов употребления знаковых структур*, – следует отметить, что нормальный язык посредством своей актуализации в некоторой *Как-форме* – *AlsForm* – абсолютно выделяет себя из себя самого, и тем самым «...не есть ни какой

возможной частью себя самого и никаким возможным образом в этой форме, но последняя целиком и полностью самостоятельна и от него, в каждом возможном рассмотрении независима...», а значит и все используемые некоторой вполне определенной супрасегментарной функцией – *AlsForm* – знаки должны употребляться в согласии с заложенными в ней правилами означивания [6; 455-456].

Вместе с тем постаналитической лингвофилософии, во многом опирающейся на те основания, которые были тщательно разработаны как в умеренных версиях структурализма и постструктурализма, в частности, семанализе [1-2], так и в их радикальных трактовках – деконструктивизме [3], не стоит пренебрегать и тем инструментарием, что сохраняет свою актуальность при анализе процедур означивающей деятельности, выполняемой в рамках нормального, или естественного, языка. В этой связи нельзя не отметить одну очень плодотворную линию, используемую при рассмотрении *apriori* языка, проявляющем себя в не-номологическом дискурсе и в особенности таком компоненте его логической формы, как супрасегментарная функция, или «точка зрения», связанную с теорией «жестких» десигнаторов С. Крипке, а также предложенными им аргументами, позволяющими сделать заключение, согласно которому ни одно имя собственное, используемое для обозначения в ситуации «денотации без денотата» разного рода «мнимых» предметностей, не обладает тем же семантическим содержанием, что и определенные дескрипции [7]. При этом для анализа не-номологического употребления языка важную роль играет также и критика исходных принципов «жесткой» десигнации, которая выстраивает свои собственные аргументы в полном соответствии с тем, что для того, чтобы рассуждать о некоем предмете обозначаемом «жестким» десигнатором, необходимо прежде всего это «нечто» постулировать, так как если это «нечто» уже постулировано как некая сущность, то тогда и только тогда становится возможным рассуждение о свойствах, которые могут этому «нечто» принадлежать, а могут и не принадлежать. Так, согласно критикам крипкеанской теории «жесткой» десигнации, само постулирование осуществляется именно через указывающие на это «нечто» дескрипции, а стало быть следует признать, что постулирование того или иного денотата невозможно без его предварительной дескриптивной детерминации; более того, используя сам крипкеанский метод рассмотрения контрфактических ситуаций, можно показать также и то, что один и тот же объект может быть рассмотрен нами, с одной стороны, как обозначаемый разными именами – *синонимия*, а с другой стороны, одно и то же имя может в разное время быть свойственно разным объектам – *омонимия*. Следует отметить, что одной из причин такого принципиального противостояния между сторонниками «каузальной» теории референции и их критиками, склонными к дескриптивизму, оказывается явная или неявная, но, что

характерно, обоюдная склонность игнорировать и не замечать саму специфику не-номологического функционирования языка. В частности, именно то, что само рассмотрение референциального употребления определенной дескрипции в той или иной контрфактической ситуации, становится возможным только после постулирования некоего «нечто» как такой-то и такой-то сущности, собственно, вовсе не отменяет действие принципа «жесткой» десигнации, но лишь раскрывает действие принципа аналитичности такого осмысленного конечного множества высказываний, как не-номологический дискурс, фиксируя тем самым необходимость наличия *априорной по характеру детерминации* – «точки зрения» – *объекта*, в качестве которого в рамках не-номологического употребления языка выступает некая «мнимая» предметность. При этом данное первичное постулирование, или детерминация, «мнимого» объекта возможна только априорным аналитическим способом, предполагающем такое использование знаков, которое содержит хотя и определенный, но в то же самое время *неэксистенциальный*, способ задания предмета. В целом, все это означает, что омонимия как таковая в пределах дискурса, образуемого при помощи нормального языка, принципиально неустранима, поскольку для того, чтобы установить тождество – синонимию – двух терминов, нужно иметь один объект, относительно которого это тождество будет истинным, однако установление этого объекта, его детерминация, может быть осуществлено только через дескриптивный метод референции, а это, в свою очередь, оказывается принципиально невозможно в условиях «мнимой» предметности, поскольку именно в рамках не-номологического, а стало быть и неденотативного, дискурса знак уклоняется от детерминации своего означаемого [5].

Все это делает вполне понятным, что постаналитическая линия в трактовках *apriori* языка *требует замены понятия языкового закона – νόμος – понятием языковой упорядоченности – διεξοδος*, – или осмысленности – *Besonnenheit*, когда нормальный язык предстает не как механизм, управляемый определенными заранее установленными принципами, а как своего рода структура, согласуемые части которого зависят друг от друга и поочередно, в зависимости от характера употребления, начинают доминировать, не теряя при этом особенностей, обусловленных их принадлежностью к той или иной супрасегментарной функции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Барт Р.* Лингвистика дискурса // Система моды. Статьи по семиотике культуры. – М., 2003. – С.456-462.
2. *Барт Р.* Основы семиологии // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму. – М., 2000. – С.247-310.
3. *Деррида Ж.* Письмо и различие. – М., 2007. 495 с.

4. *Женетт Ж.* Вымысел и слог // *Фигуры* в 2 т. – М., 1998. – Т.2. – С.342-451.

5. *Куслий П.С.* Имена, дескрипции и проблема жесткой десигнации // *Эпистемология & философия науки*. 2008. – №2. – С.103-118.

6. *Фихте И.Г.* Система учения о нравах согласно принципам наукоучения; Наукоучение 1805 г.; Наукоучение 1813 г.; Наукоучение 1814 г. – СПб., 2006. 619 с.

7. *Kripke S.* Naming and Necessity. – Cambridge, 1999. 184 p.